

Автор.
М-69

КИЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

На правах рукописи

МИХЕЕНКО Михаил Макарович

УДК 341.1:343.14

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09 —
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; СУДОУСТРОЙСТВО;
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; КРИМИНАЛИСТИКА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

КИЕВ — 1984

Работа выполнена на кафедре уголовного права и процесса юридического факультета Киевского ордена Ленина государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР АЛЕКСЕЕВ Н. С.;

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР КАРНЕЕВА Л. М.;

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР КОБЛИКОВ А. С.

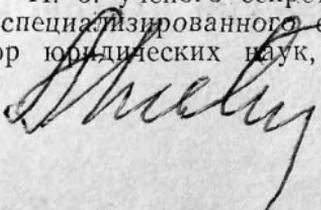
Ведущая организация — Всесоюзный юридический заочный институт.

Защита состоится «2» ноября 1984 года на заседании специализированного совета Д 068.18.14 при Киевском ордена Ленина государственном университете им. Т. Г. Шевченко (252601, Киев, ГСП, ул. Владимирская, 60, юридический факультет).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Киевского университета.

Автореферат разослан «3» сентября 1984 г.

И. о. ученого секретаря
специализированного совета
доктор юридических наук, профессор

 ТКАЧ А. П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Обеспечение строгого соблюдения социалистической законности, искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидация преступности, устранение всех причин, ее порождающих, — это программная задача, поставленная Коммунистической партией Советского Союза¹. Комплекс конкретных мер по выполнению этой задачи намечен в постановлении ЦК КПСС "Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями". В частности, в нем обращено особое внимание на необходимость совершенствования деятельности органов прокуратуры, внутренних дел, юстиции и судов, призванных стоять на страже советской законности, интересов общества, прав советских граждан². В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии также подчеркивалось: "Советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание"³. Расследование преступлений, рассмотрение и разрешение уголовных дел в суде и применение им при необходимости к лицам, виновным в совершении преступлений, уголовного наказания, — это сфера уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, следователей, прокуроров и судов. Важно, чтобы она протекала строго в рамках действующего законодательства, в частности уголовно-процессуального, обновленного на основе Конституции СССР 1977 года и конституций союзных республик 1978 года. "Нормальный ход нашего общественного развития немислим без строжайшего соблюдения законов, охраняющих инте-

1 См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1978, с.106.

2 См.: Коммунист, 1979, № 14, с.3.

3 Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981, с.65.

ресы общества и права граждан", - указывалось на июньском /1983 года/ Пленуме ЦК КПСС¹.

Основным содержанием уголовно-процессуальной деятельности органов расследования, прокуратуры и судов является доказывание, т.е. формирование /собираение и закрепление/, проверка и оценка доказательств и их процессуальных источников, обоснование выводов с целью установления объективной истины и принятие на этой основе правильного, законного, обоснованного и справедливого решения. При этом возникает ряд сложных теоретических проблем, правильное разрешение которых имеет очень важное значение для развития теории советского уголовного процесса, для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Среди них на первое место, на наш взгляд, выдвигаются следующие: юридические и гносеологические вопросы установления объективной истины в советском уголовном процессе; значение для уголовно-процессуального доказывания такого гуманистического принципа, как презумпция невиновности; гносеологические и юридические аспекты сущности уголовно-процессуального доказывания, судебных доказательств и их источников; предмет доказывания как обобщенное юридическое выражение объекта уголовно-процессуального познания. Эти проблемы уже длительное время находятся в центре внимания советских юристов - ученых и практиков, которые внесли огромный вклад в их разработку. Следует отметить труды Н.С.Алексеева, С.А.Альперта, В.Д.Арсеньева, М.И.Бажанова, В.А.Банина, Р.С.Белкина, А.Д.Бойкова, Н.Т.Ведерникова, А.И.Винберга, В.И.Гончаренко, Г.Ф.Горского, М.М.Гродзинского, Ю.М.Грошевого, Т.Н.Добровольской, В.Я.Дорохова, А.Я.Дубинского, Э.С.Зеликсона, Ц.М.Каз, В.И.Каминской, Л.М.Карнеевой, А.С.Кобликова, Л.Д.Кокорева, В.Е.Коновало-

¹ См.: Материалы Пленума ЦК КПСС. 14-15 июня 1983 г. - М.: Политиздат, 1983, с.16.

вой, Н.П.Кузнецова, С.В.Курьева, А.М.Ларина, И.А.Либуса, В.К.Лисиченко, В.Э.Лукашевича, П.А.Лупинской, И.И.Малхазова, Е.А.Матвиенко, Г.М.Миньковского, Я.О.Мотовиловкера, И.И.Мухина, Н.И.Николайчика, Ю.К.Орлова, П.Ф.Пашкевича, И.Л.Петрухина, Н.Н.Полянского, Г.М.Резника, В.М.Савицкого, А.Д.Соловьева, А.А.Старченко, М.С.Строговича, М.К.Треушникова, А.И.Трусова, Л.Т.Ульяновой, Ф.Н.Фаткуллина, А.А.Хмырова, Г.И.Чангули, М.А.Чельцова, М.П.Шаламова, С.А.Шейфера, М.Л.Шифмана, А.А.Эйсмана, П.С.Элькинд, М.А.Якуба, Н.А.Якубович и многих других авторов, так как практически любой автор, который рассматривает тот или иной вопрос уголовного процесса, не может хотя бы косвенно не затронуть вопросы доказывания. В марте 1981 года во ВНИИ МВД СССР был проведен теоретический семинар по актуальным проблемам теории и практики доказывания в советском уголовном процессе, а в апреле 1983 года во Всесоюзном институте Прокуратуры СССР состоялось занятие методологического семинара по проблеме надежности процессуального доказывания. Основное внимание участники семинара уделили дискуссионным проблемам, требующим их дальнейшего обсуждения для выработки оптимальных решений. В ходе обмена мнениями было подтверждено, что такими проблемами продолжают оставаться и указанные выше.

После обновления уголовно-процессуального законодательства основная задача юридической науки - теоретическое осмысливание новелл и оказание помощи практическим работникам в их правильном применении. Но в то же время следует размышлять и над путями дальнейшего совершенствования советского уголовно-процессуального права как в целом, так и его отдельных норм и институтов. Это необходимо не только для внесения отдельных изменений в союзное и республиканское законодательство в соответствии с потребностями практики, но и для создания в дальнейшем новых Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик и

новых Уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, которые отразили бы все достижения советской науки уголовного процесса и полностью соответствовали потребностям практики борьбы с преступностью в развитом социалистическом обществе.

Цель исследования - теоретический анализ комплекса важнейших общих проблем учения о доказательствах в советском уголовном процессе в период развитого социалистического общества с позиций марксистско-ленинской теории познания и достижений советской правовой науки, раскрытие на этой основе гносеологической и юридической сущности и содержания уголовно-процессуального доказывания, формулирование определений некоторых важнейших понятий теории доказательств, разработка предложений по дальнейшему совершенствованию советского уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в целях обеспечения борьбы с преступностью, осуществления конституционных и иных прав и законных интересов граждан.

Методологической основой работы является материалистическая диалектика. В основу диссертационного исследования положены также Программа КПСС, материалы XXVI съезда КПСС, решения Центрального Комитета КПСС, другие партийные документы как образцы применения диалектического метода. В качестве исходных, методологических использовались также положения марксистско-ленинской общей теории права. Применялись и такие частнонаучные методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой, системного анализа, конкретно-социологический.

Информационной базой исследования является прежде всего действующее советское общесоюзное и республиканское законодательство, в частности Конституция СССР и конституции союзных республик, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик,

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР, Закон о Верховном Суде СССР, Закон о прокуратуре СССР, Закон об адвокатуре в СССР, Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, уголовно-процессуальные кодексы Украинской ССР, РСФСР и других союзных республик, Закон о судостроительстве Украинской ССР, Положение об адвокатуре Украинской ССР, а также конституции и уголовно-процессуальные кодексы зарубежных социалистических государств. В работе использованы руководящие разъяснения Пленумов Верховных Судов СССР, УССР и РСФСР, определения и постановления этих судов по отдельным делам и подготовленные ими обзоры судебной практики. В Верховном Суде УССР диссертант изучил 39 постановлений Пленума по отдельным делам, 1457 кассационных и надзорных определений судебной коллегии по уголовным делам, которыми были изменены или отменены решения нижестоящих судебных инстанций, 114 постановлений президиумов областных судов Украины. Используются также эмпирические данные, приводимые в специальной литературе другими авторами.

Научная новизна и достоверность результатов исследования.

Диссертация является монографической работой, в которой весь комплекс важнейших теоретических проблем уголовно-процессуального доказывания исследуется на основе новейшего общесоюзного и республиканского уголовно-процессуального законодательства. В результате исследования автор:

- сформулировал понятие принципа установления объективной истины в советском уголовном процессе, уточнил положения о ее содержании, характере и критерии;

- дал понятие принципа свободной оценки доказательств и их источников, уточнил понятие доказывания в советском уголовном

процессе, его элементов и содержания;

- раскрыл особенности доказывания в различных стадиях уголовного процесса;
- разработал понятие и раскрыл юридическое содержание презумпции невиновности лица, изобличаемого в совершении преступления;
- разработал и предложил предусмотреть в законе новую формулировку понятия доказательств и их процессуальных источников;
- раскрыл содержание обстоятельств, входящих в предмет доказывания в уголовном процессе, а также разработал новую формулировку предмета доказывания;
- разработал ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленных на улучшение деятельности органов расследования и суда по выполнению непосредственных и отдаленных задач уголовного судопроизводства и расширение гарантий прав личности в советском уголовном процессе.

Все эти положения выносятся на защиту.

Теоретическая обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечиваются примененной методологией, использованием достижений советской науки уголовного процесса, анализом обширной специальной литературы, уголовно-процессуального законодательства и практики его применения судебными, следственными и прокурорскими органами.

Научное и практическое значение диссертационного исследования заключается в том, что в нем осуществлено теоретическое обобщение и решение крупной научной проблемы, имеющей важное значение для развития советской теории доказательств, совершенствования уголовно-процессуального законодательства и преподавания уголовного процесса в вузах страны.

Теоретические выводы автора могут быть использованы советскими учеными при дальнейшей разработке проблем теории и практики

доказывания в советском уголовном процессе.

Результаты диссертационного исследования используются автором при чтении спецкурса "Проблемные вопросы теории доказательств в советском уголовном процессе" на юридическом факультете и курса уголовного процесса на юридическом факультете и факультете международных отношений и международного права Киевского университета.

По результатам диссертационного исследования автором были подготовлены и направлены:

в Президиум Верховного Совета Украинской ССР - докладная записка о необходимости внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство /октябрь 1976 г./; замечания и предложения к проектам Указов Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в Основы уголовного законодательства, уголовного судопроизводства и исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик /ноябрь 1980 г./; замечания к проекту Указа Президиума Верховного Совета УССР "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР" /май, октябрь 1982 г., февраль, сентябрь 1983 г./;

министру юстиции СССР - предложения по приведению Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. в соответствие с Конституцией СССР 1977 г. /апрель 1978 г./;

министру юстиции УССР - замечания и предложения к проекту Указа Президиума Верховного Совета УССР "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР" /декабрь 1981 г., март 1982 г./.

Многие предложения нашли отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности в Указах Президиума Верховного Совета УССР от 23 марта 1977 г. и 16 апреля 1984 г. "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Украин-

ской ССР". Кроме того, предложения диссертанта нашли отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда УССР: от 25 января 1974 г. "О судебной практике по уголовным делам, возбуждаемым не иначе как по жалобе потерпевшего, и практике передачи таких дел и материалов на рассмотрение товарищеских судов"; от 28 февраля 1975 г. "О некоторых недостатках при постановлении приговоров судами Украинской ССР"; от 22 декабря 1978 г. "О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Украинской ССР норм уголовно-процессуального законодательства, предусматривающих права потерпевших от преступлений".

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, опубликованы в монографии "Доказывание в советском уголовном судопроизводстве", в главах монографий, научно-практических комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу Украинской ССР, учебника по советскому уголовному процессу, в статьях и тезисах, излагались в выступлениях, докладах и сообщениях на девяти научно-практических конференциях, на двух всесоюзных теоретических семинарах, на заседании координационного бюро по проблемам уголовного процесса и судостроительства, состоявшихся в 1977-1983 годах в Москве, Киеве, Львове, Харькове, Саратове, Воронеже, Волгограде, Минске, а также на заседаниях кафедры уголовного права и процесса, совета юридического факультета Киевского университета и на занятиях методологического семинара профессорско-преподавательского состава факультета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка основной использованной литературы и приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются его цели, методологическая основа, информационная база, научная новизна, достоверность, значение и апробация полученных результатов.

В главе первой исследуются юридические и гносеологические проблемы установления объективной истины в советском уголовном процессе.

По своей юридической природе установление объективной истины является и принципом, и главной непосредственной целью советского уголовного процесса, достижение которой является необходимой предпосылкой для достижения и других целей уголовного судопроизводства. Этот принцип следовало бы четко закрепить в статье 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, назвав ее "Установление объективной истины при исследовании обстоятельств дела". На взгляд диссертанта, его можно было бы сформулировать следующим образом: принцип установления объективной истины в советском уголовном процессе - это требование закона, которое обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора и суд полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела с тем, чтобы в соответствии с действительностью установить все существенные, юридически значимые факты, дать им правильную правовую оценку и тем самым обеспечить правильное разрешение дела.

Принципиальное требование об установлении объективной истины по делу действует во всех стадиях советского уголовного процесса и в отношении всех государственных органов и должностных лиц, ведущих процесс. Заканчивая производство по делу и принимая по нему решение, орган расследования, прокурор и суд, как правило, должны быть убеждены в том, что они установили истину.

Признание лица виновным в совершении преступления и применение к нему уголовного наказания или иной меры воздействия допустимо лишь при условии, что по делу установлена объективная истина. Никаких исключений из этого правила закон не предусматривает. В то же время диссертант оспаривает мнение тех авторов, которые полагают, что каждое процессуальное решение должно быть истинным. Решения о возбуждении уголовного дела, применении мер процессуального принуждения и даже о привлечении лица в качества обвиняемого могут приниматься и на основе вероятных знаний об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по делу. Цель установления истины не ставится при принятии решений об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела ввиду помилования лица, за отсутствием жалобы потерпевшего, в отношении лица, о котором имеются вступившие в законную силу приговор, определение или постановление о прекращении дела по тому же обвинению, а также при принятии судьей или судом решений о предании обвиняемого суду или возвращении дела на дополнительное расследование либо новое судебное рассмотрение. Прекращая уголовное дело или оправдывая обвиняемого ввиду недоказанности его участия в совершении преступления, следователь и суд основываются на истинных знаниях в отношении события преступления и на вероятных - в отношении виновности или невиновности обвиняемого.

Поскольку процессуальные возможности для установления истины в стадиях возбуждения уголовного дела и предания обвиняемого суду являются весьма ограниченными, следовало бы исключить из закона нормы, разрешающие отказывать в возбуждении дела или прекращать его в распорядительном заседании по тем нереабилитирующим лицу обстоятельствам, которые предполагают необходимость установления его виновности.

В содержание объективной истины, устанавливаемой в уголовном

процессе, входят не только факты, обстоятельства дела, но и их правильная юридическая оценка. Специфика познания социальных явлений, по сравнению с познанием явлений природы, заключается в необходимости познания и их общественно-политической сущности, значимости среди других явлений общественной жизни. Общественно-политическая сущность фактов, образующих в своей совокупности преступление, дана законодателем в нормах уголовного права. Поэтому правильно познать сущность установленных в уголовном процессе фактов нельзя без их юридической оценки. При этом квалификация преступления — лишь одно из проявлений юридической оценки. При познании истины в уголовном процессе юридическая оценка установленных фактов и обстоятельств с целью определения их общественно-политической сущности осуществляется не только путем применения норм Особенной части Уголовного кодекса, но и норм его Общей части, а также норм уголовно-процессуального права, в частности, определяющих предмет доказывания по делу. Это особенно наглядно видно при рассмотрении судом вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора.

По мнению диссертанта, нет никаких веских гносеологических оснований для включения в содержание объективной истины определенных судом вида и меры уголовного наказания, а также меры гражданско-правовой ответственности за материальный ущерб, причиненный преступлением, или иной меры юридической ответственности.

Уголовный закон содержит не только санкции, но и общие принципы назначения наказания, однако при его назначении есть много субъективного, здесь довольно большой простор для судебного усмотрения. Закон предусматривает возможность досрочного и условно-досрочного освобождения от назначенного наказания и замены его более мягким. Таким образом, в то время, когда правильно установленные факты и правильная квалификация преступления

ником не могут быть "подправлены" или изменены, вид и меру наказания, даже если они были избраны судом в полном соответствии с законом, сам закон разрешает позже заменить или изменить либо вовсе освободить осужденного от наказания. Между тем истину никто не может, не вправе подправить, изменить. К правильно установленным фактическим обстоятельствам дела и правильной квалификации, то есть к объективной истине, также нельзя применить такое оценочное и не четко определенное этическое понятие, как справедливость.

В настоящее время ни в науке, ни в законе, ни в практике нет таких точных критериев, которые позволяли бы действительно индивидуализировать наказание в отношении каждого осужденного. Можно сказать, что в современных условиях назначаемая судом мера наказания является не истиной, а лишь предположением, прогнозом, что данный осужденный может исправиться и перевоспитаться в назначенный срок.

До их назначения судом конкретные вид и размер наказания не существуют, не являются реальностью и, следовательно, не могут быть объектом познания по уголовному делу.

Следует также иметь в виду, что гносеологические предпосылки для познания истины в уголовном процессе одинаковы как для органов расследования, так и для суда, и не может быть двух различных по своему содержанию объективных истин по одному и тому же делу для следователя и для суда.

По приведенным выше мотивам нельзя признать, что решение суда о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, входит в содержание объективной истины по делу-наряду с установлением самого факта причинения такого ущерба и его размера.

Истина, установленная в уголовном процессе, по своему характеру является абсолютной объективной истиной конкретного факта,

включающей полное, исчерпывающее, точное и неопровержимое установление следователем и судом всех юридически значимых фактов, входящих в предмет доказывания по делу, в пределах, необходимых для выполнения определенных законом задач уголовного судопроизводства, и их точную, полную, неопровержимую правовую оценку. Она является одновременно и относительной, но не по этому же делу, а для иных сфер человеческого познания, в которых будут выясняться новые стороны, качества, свойства фактических обстоятельств, которые исследовались и были установлены в сфере уголовного судопроизводства.

В итоге в диссертации дается следующее определение объективной истины в уголовном процессе: это абсолютная истина конкретного факта, содержанием которой является правильное, полное, соответствующее действительности отражение в сознании лиц, ведущих процесс, всех существенных, юридически значимых фактических обстоятельств дела в их правовой оценке.

По мнению автора, под практикой как критерием истины в уголовном процессе следует понимать лишь общественно-историческую практику человечества в целом, а также всю обобщенную деятельность следственных органов, прокуроров и судов по разрешению уголовных и иных дел как ее составную часть, то есть для конкретного следователя, прокурора и судьи она может выступать лишь в опосредствованной форме, как косвенный опыт. Что касается их непосредственного жизненного и профессионального опыта, их личной практики, то они не могут быть критерием истины в силу ограниченности и односторонности. Не могут рассматриваться как критерий истины, установленной в уголовном процессе, и такие процессуальные действия, как следственный эксперимент, проверка показаний на месте /воспроизведение обстановки и обстоятельств события/, осмотр, обыск, выемка, следственное и судебное освидетельствование, в ходе ко-

торых следователь и судьи непосредственно наблюдают отдельные обстоятельства и могут проверить отдельные выводы, факты. Эти непосредственные проявления практики являются лишь средством установления истины по делу, но не критерием ее.

В главе второй рассматриваются гносеологические и юридические проблемы сущности и содержания уголовно-процессуального доказывания.

По своей гносеологической сущности уголовно-процессуальное доказывание представляет собой разновидность познания действительности. Поэтому в нем применимы, конечно, с учетом его специфики, все законы и категории материалистической диалектики, составляющие содержание марксистского диалектического метода. Эта специфика обусловлена прежде всего объектом, задачами /целями/ и средствами познания, кругом его субъектов, процессуальными сроками и процессуальной формой.

Чувственное, непосредственное познание отдельных доказательственных фактов следователем или судом возможно, но оно всегда сопровождается мышлением, должно происходить в рамках предусмотренных законом следственных и судебных действий и находить отражение в протоколах этих действий, иначе оно будет познанием не процессуальным, не имеющим юридического значения. С помощью непосредственного, чувственного познания нельзя полностью установить ни одного из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Каждое из таких обстоятельств и вся их совокупность и тем самым истину по делу можно установить только с помощью рационального познания, мышления. Поэтому в целом уголовно-процессуальное доказывание является опосредствованным познанием.

Рассматривая содержание уголовно-процессуального доказывания, автор поддерживает мнение тех процессуалистов, которые выделяют два его вида, или аспекта: доказывание как исследование

фактических обстоятельств и доказывание как логическое и процессуальное обоснование определенного тезиса, утверждения, выводов по делу. В качестве элементов процесса доказывания как исследования в уголовном судопроизводстве следует рассматривать соби- рание /формирование/, проверку и оценку доказательств и их источни- ков. Важнейшими элементами второго вида, или аспекта, доказыва- ния в уголовном процессе являются письменное или устное формули- рование определенного тезиса и приведение аргументов для его об- обоснования. Общее понятие доказывания в уголовном процессе можно определить следующим образом: это деятельность субъектов уголов- ного процесса по собиранию /формированию/, проверке и оценке до- казательств и их процессуальных источников, а также по формулиро- ванию на этой основе определенных тезисов и приведению аргумен- тов для их обоснования.

Собирание доказательств и их источников как элемент доказы- вания в советском уголовном процессе является в настоящее время и должно быть и в дальнейшем деятельностью только процессуальной.

Проверка доказательств и их источников равнозначна их иссле- дованию - элементу процесса доказывания, выделяемому некоторыми авторами. Целью проверки доказательств и их источников является определение их доброкачественности, достоверности, полноты, за- конности средств их получения.

Оценка доказательств и их источников выступает как необходи- мая предпосылка для принятия /и обоснования/ почти любого процес- суального решения по делу. В содержание оценки доказательств как фактических данных /сведений о фактах/ входит установление их достоверности, относимости, допустимости и достаточности для раз- решения как отдельных вопросов по делу, так и дела в целом. Со- держанием же оценки процессуальных источников доказательств явля- ется определение допустимости их использования в деле и полноты

содержащихся в них сведений.

Доказательства и их источники, полученные с грубым нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих процесс доказывания по делу, конституционных и иных прав граждан, а тем более полученные в результате преступного нарушения норм, определяющих условия и порядок собирания и закрепления доказательств и их источников, всегда вызывают сомнение в их достоверности и являются недопустимыми для использования в уголовном процессе. Автор поддерживает предложение закрепить в законе норму о недействительности таких актов.

Закрепленные в ст. 17 Основ правила оценки доказательств составляют сущность уголовно-процессуального принципа свободной оценки доказательств. Этот принцип получил свое правильное и полное развитие в советском уголовном процессе. Он является объективным правовым положением, закрепленным в законе велением государства. Отмечая недостатки действующей редакции ст. 17 Основ, в частности то, что в ней дан неточный и неполный перечень субъектов уголовного процесса, обязанных оценивать доказательства и их источники, и что указание на необходимость руководствоваться при оценке и социалистическим правосознанием создает предпосылки для преувеличения роли последнего и подмены им закона, диссертант предлагает новую редакцию этой статьи:

"Статья 17. Оценка доказательств и их источников

Судья, народный заседатель, прокурор, следователь, начальник следственного отдела, лицо, производящее дознание, и орган дознания оценивают доказательства и их источники по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении каждого из них отдельно и всех их в совокупности, руководствуясь при этом законом.

Никакие доказательства и их источники не имеют заранее уста-

новленной в законе силы".

В главе также анализируются особенности процесса доказывания в каждой из стадий уголовного судопроизводства, обусловленные в основном задачами той или иной стадии, кругом субъектов доказывания и выполняемыми ими уголовно-процессуальными функциями.

В принципе поддерживая предложение о расширении в законе круга следственных действий, которые можно было бы производить в стадии возбуждения уголовного дела, диссертант в то же время высказывается против подмены этой стадией стадии предварительного расследования по так называемым "простейшим" делам или когда "факт совершения преступления очевиден" под предлогом обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства, экономии средств, разгрузки следственного аппарата. Следует учитывать, что в каждом, даже кажущемся простым с точки зрения следователя или прокурора деле решается судьба человека; что "очевидных" преступлений вообще быть не может, так как субъективная сторона преступления, причинная связь между действием или бездействием и его последствиями, свойства лица, подозреваемого в совершении преступления, и т.д. не могут быть наблюдаемы, непосредственно восприняты очевидцами действия или его результатов; что "разгрузка" следственного аппарата всегда оборачивается "загрузкой" судов, потому что на них фактически перекладывается расследование преступлений; что при упрощенной, так называемой "протокольной" форме досудебного производства на судью или суд фактически возлагается несвойственная им функция формулирования обвинения; что упрощенное или искусственно ускоренное производство по делу связано с ограничением действия демократических принципов уголовного процесса, сужением процессуальных прав граждан и уменьшением процессуальных гарантий установления истины.

Предавая обвиняемого суду, судья или суд не вправе предпринимать вопрос о его виновности. Но, по мнению автора, в самом зако-

не содержится противоречие, которое наводит на мысль о том, что у судьи может /и должно/ сложиться мнение о виновности преданного им суду обвиняемого. В ч. I ст. 36 Основ указывается, что судья при наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании, не предрешая вопроса о виновности, выносит постановление о предании обвиняемого суду. В части же 2 этой статьи говорится, что в случаях "несогласия судьи с выводами обвинительного заключения" дело подлежит рассмотрению в распорядительном заседании суда. Выходит, что если судья согласен с выводами обвинительного заключения, то он предает обвиняемого суду. Но практически это может означать только то, что еще до судебного разбирательства у него сложилось убеждение в виновности обвиняемого. Поэтому представляется, что употребление термина "несогласие" здесь явно неудачно. Предпочтительнее этот вопрос решен в УПК НРБ, который предусматривает, что когда судья установит, что налицо все условия для рассмотрения дела в судебном заседании, он предает обвиняемого суду /ст. 241/. Когда же он найдет, что не имеется всех условий для этого, то вносит дело в распорядительное заседание для решения вопроса, подлежит ли обвиняемый преданию суду /ст. 242/.

В стадии судебного разбирательства осуществляется развернутое уголовно-процессуальное доказывание и наиболее полно реализуются все принципы советского уголовного процесса. Суд вправе собирать новые доказательства, и все же центр тяжести в этой стадии обычно переносится на проверку и оценку доказательств и их источников, собранных органами предварительного расследования. Это обуславливается и тем, что разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду /ч. I ст. 42 Основ/. Суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании /ч. 2 ст. 43 Основ/.

В стадиях кассационного и надзорного производства в соответствии с задачами этих стадий производится преимущественно проверка и оценка доказательств и их источников. Единственный способ собирания доказательств, который закон разрешает применять в этих стадиях - это истребование самим судом или принятие от прокурора, осужденного, его защитника и других участников процесса новых материалов, если они могут иметь значение для разрешения вопроса об изменении или отмене приговора /ст.361 УПК УССР, ст.337 УПК РСФСР/. В этих статьях прямо говорится лишь о кассационной инстанции и лишь о принятии ею, представлении в нее новых материалов, но по аналогии эти статьи применяются и в надзорной инстанции. Целесообразно включить в уголовно-процессуальное законодательство нормы, которые прямо предусматривали бы право судов кассационной и надзорной инстанций истребовать новые материалы и право лиц, опротестовавших судебное решение, и участников процесса представить в суд надзорной инстанции такие материалы. На наш взгляд, в соответствии со ст.16 Основ дополнительные, или новые, материалы, следует рассматривать как процессуальные источники доказательств - "иные документы" и "вещественные доказательства", а содержащиеся в них сведения /фактические данные/ - как доказательства, на основе которых могут устанавливаться обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

По мнению диссертанта, принятие предложений предоставить судам кассационной и надзорной инстанций право вести в ограниченных пределах судебное следствие, то есть внести элементы апелляционного производства в их деятельность, с целью расширения процессуальных возможностей проверки и оценки ими доказательств и принятия окончательного решения по делу могло бы принести некоторую пользу для ускорения уголовного судопроизводства, но повлекло бы значительно большие по сравнению с этим издержки: смешение задач суда

первой инстанции и вышестоящих инстанций; значительно увеличило бы влияние на внутреннее убеждение судей, их объективность при оценке доказательств в кассационной и надзорной инстанциях такого фактора, как впечатление от свойств личности и поведения допрашиваемых лиц.

Значительные особенности имеет процесс доказывания в стадии исполнения приговора. Фактически единственным процессуальным источником доказательств здесь являются документы, причем только официальные. Объяснения осужденного и других лиц, вызываемых в судебное заседание, по действующему законодательству источником доказательств не являются, хотя они проверяются и оцениваются судом наряду с документами. Представляется, что было бы целесообразно закрепить в законе в качестве самостоятельного источника доказательств показания осужденного, а также предусмотреть право суда допрашивать свидетелей и назначать экспертизу и в этой стадии.

В главе третьей анализируются понятие и юридическое содержание презумпции невиновности в советском уголовном процессе и ее значение для доказывания.

Диссертант выступает против встречающихся в юридической литературе попыток вывести презумпцию невиновности за пределы уголовного процесса, включить ее в другие уголовно-процессуальные принципы, неосновательно расширить либо сузить ее значение в уголовном судопроизводстве, объявив ее основой всех процессуальных прав и гарантий прав личности либо только доказательственным правилом. Представляется, что всякая попытка не рассматривать презумпцию невиновности в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса умаляет ее политическое и юридическое значение. Принципы советского уголовного процесса - это объективно обусловленные сущностью Советского общенародного государства и развитого социалистического общества, закрепленные в Конституциях и уголовно-процессуальном законодательстве Союза ССР и союзных республик наиболее общие,

исходные положения, идеи, которые определяют построение всего процесса, форму и содержание его стадий и институтов и выражают его социалистический характер, подлинный гуманизм и демократизм. Презумпция невиновности соответствует всем этим требованиям.

Для преобладающего большинства советских процессуалистов и процессуалистов зарубежных социалистических стран характерным является понимание презумпции невиновности как объективного правового положения: закон, государство, независимо от субъективного убеждения лиц и органов, ведущих процесс, считают обвиняемого невиновным, пока его виновность не доказана и не признана в установленном законом порядке. Такое понимание презумпции невиновности является, по мнению диссертанта, единственно правильным. Оно наилучшим образом подчеркивает демократическую, гуманную сущность этой презумпции как принципа социалистического уголовного процесса и его значение для определения правового положения лица, о деянии которого ведется уголовное дело. Всякие попытки включить субъективный элемент в понятие презумпции невиновности подрывают существо этого принципа, ослабляют его действие.

Диссертант полагает, что в ст.160 Конституции СССР установлена не общегражданская и не общеправовая презумпция невиновности /добропорядочности/ всех граждан, поскольку эта статья расположена в главе 20 "Суд и арбитраж", в ней прямо говорится о признании виновным именно в совершении преступления, и она, таким образом, относится прямо /и только/ к сфере уголовного судопроизводства и подводит авторитетнейший правовой фундамент под презумпцию невиновности именно в уголовном процессе. Что касается слова "никто", с которого начинается ст.160 Конституции, то оно дает основание для того, чтобы сформулировать презумпцию невиновности в советском уголовном процессе применительно ко всем лицам, чья невиновность в ходе производства по делу поставлена под сомнение, а не только приме-

нительно к обвиняемому, как это распространено в уголовно-процессуальной литературе. Под охраной презумпции невиновности должны находиться не только лица, официально поставленные в процессуальное положение обвиняемого или подсудимого, но и все другие лица, в отношении которых фактически ведется уголовный процесс, то есть юридические, а также фактические подозреваемые. Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит неоправданно узкое понятие подозреваемого и не обязывает органы дознания и следователя во всех случаях привлекать в качестве обвиняемого лицо, о деяниях которого ведется процесс. По мнению автора, Основы следовало бы дополнить специальной статьей, в которой указать, что подозреваемым признается лицо, в отношении которого собраны доказательства, указывающие на его причастность к совершению преступления, но недостаточные для предъявления обвинения, если это лицо было задержано в порядке ст. 32 Основ или к нему была применена мера пресечения до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело или в случаях, предусмотренных законом, органом дознания без возбуждения уголовного дела собираются материалы о совершении этим лицом преступления.

По мнению диссертанта, из установленного ст. 160 Конституции СССР общего правила о том, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда, действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит исключения, сущность которых в том, что лицо признается виновным в совершении преступления: а/ не судом, а другими процессуальными органами; б/ не приговором, а постановлением органа дознания, следователя или прокурора либо определением суда о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим это лицо обстоятельствам. Представляется неубедительным мнение тех авторов, которые утверждают, что,

прекращая дело по нереабилитирующим обстоятельствам, указанные органы освобождают лицо от уголовной ответственности, не признавая его виновным в совершении преступления. Ведь если лицо не признало виновным, вопрос о его освобождении от уголовной ответственности вообще не возникает. По закону невиновное лицо нет смысла освобождать от уголовной ответственности: оно не обязано ее нести и подлежит полной реабилитации.

Замена в ст. 43 Основ уголовного законодательства и в ст. 51 Основ уголовного судопроизводства слова "виновный" словом "лицо", а также определенного и общепринятого термина "преступление" неопределенным и неточным термином "деяние, содержащее признаки преступления" является, на взгляд автора, неоправданным ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Вопрос о виновности лица при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не может не решаться, указанное "деяние" квалифицируется по статьям Уголовного кодекса и является по своей социальной и юридической сущности ни чем иным, как преступлением.

Многие процессуалисты формулируют презумпцию невиновности только применительно к тем делам, которые рассматриваются по существу судом в стадии судебного разбирательства. Однако при разработке понятия презумпции невиновности в советском уголовном процессе необходимо учитывать всю систему действующих правовых норм: конституционных, уголовных и уголовно-процессуальных, регулирующих производство по уголовному делу, и сложившуюся на их основе судебную, а также следственную и прокурорскую практику, то есть формулировать этот принцип не только применительно к тем делам, которые становятся предметом рассмотрения в стадии судебного разбирательства. Иначе мы не сможем ответить на вопрос: виновными или невиновными с точки зрения закона и тем самым государства и общества считаются лица, дело в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Автор полагает, что в настоящее время вряд ли есть социальная, государственная потребность в том, чтобы дело о любом преступлении, в частности, не представляющем большой общественной опасности, обязательно передавалось в суд. Если человек искренне раскаялся в совершенном преступлении, добровольно признал себя виновным и это подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств, если есть веские основания полагать, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания, если он не возражает против прекращения дела и сам, следовательно, не желает прибегать к судебной защите своих прав и законных интересов, не требует реабилитации по суду, если потерпевший от преступления не настаивает на передаче дела в суд, то вряд ли целесообразно подвергать этого человека дополнительным переживаниям на суде, удлинять и усложнять решение его судьбы, потому что это может повлечь и негативные последствия, ожесточить человека, подорвать его веру в справедливость и гуманность.

В целях создания дополнительных процессуальных гарантий права на защиту, лицу, в отношении которого принимается решение о прекращении уголовного дела, и потерпевшему следовало бы, на наш взгляд, внести следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство:

а/ уголовное дело может быть прекращено по нереабилитирующим лицо основаниям /кроме случаев его смерти/ только после того, как оно привлечено и допрошено в качестве обвиняемого, а лицо, пострадавшее от преступления, признано потерпевшим и дело расследовано полно, объективно и всесторонне;

б/ допустить защитника к участию по всем делам с момента предъявления обвинения или даже с момента появления в деле подозреваемого как процессуальной фигуры;

в/ в УПК всех союзных республик следовало бы указать, что при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с изменением обстановки, привлечением лица к административной ответст-

венности, передачей материалов дела на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних либо лица на поруки орган дознания, следователь и прокурор обязаны выяснить мнение потерпевшего или его законного представителя о возможности освобождения этого лица от уголовной ответственности;

г/ предоставить потерпевшему и его представителю, обвиняемому, его защитнику и законному представителю право знакомиться с материалами предварительного расследования перед вынесением постановления о прекращении уголовного дела и после его вынесения;

д/ установить в законе, что орган дознания и следователь вправе прекратить уголовное дело по всем основаниям только с согласия прокурора;

е/ урегулировать вопрос о моменте вступления в законную силу постановления органа расследования и прокурора о прекращении уголовного дела, а также о моменте, с которого начинает течь срок обжалования этого постановления;

ж/ установить срок направления или вручения заинтересованным лицам копии постановления о прекращении уголовного дела /по-видимому, трехдневный/, а также такие сроки возобновления прекращенного уголовного дела, которые предусмотрены законом применительно к приговору или определению суда.

Проанализировав формулировки презумпции невиновности, содержащиеся в законодательстве зарубежных социалистических государств /Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии/ и в советской юридической литературе и отметив их положительные стороны и недостатки, диссертант приходит к выводу, что в соответствии с действующим законодательством общее понятие принципа презумпции невиновности в советском уголовном процессе можно сформулировать следующим образом: каждое лицо считается по закону невиновным в совершении преступления /деяния, содержащего признаки преступления/ до тех пор, пока его виновность не доказана и не

признана в установленном законом порядке. Это общее понятие может быть конкретизировано применительно к тем делам, которые разрешаются по существу: а/ приговором суда и б/ постановлением органов предварительного расследования или прокурора либо определением суда о прекращении дела.

В первом случае презумпция невиновности действует в таком виде: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый считаются по закону невиновными в совершении преступления до тех пор, пока их виновность не доказана в установленном законом порядке и не признана вступившим в силу приговором суда. Аналогичная по существу формулировка дана в п.2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. "О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту".

Если дело или в отдельных случаях материалы разрешаются по существу на досудебных стадиях уголовного процесса либо определением суда о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам, презумпция невиновности действует в таком виде: подозреваемый, обвиняемый и другие лица считаются по закону невиновными в совершении преступления /деяния, содержащего признаки преступления/ до тех пор, пока их виновность не доказана в установленном законом порядке и не признана постановлением органа дознания, следователя, прокурора или определением суда о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям либо постановлением органа дознания, следователя, прокурора, судьи об отказе в возбуждении уголовного дела по таким основаниям.

Представляется, что принцип презумпции невиновности начина-

ет действовать уже в стадии возбуждения уголовного дела, в частности, когда решается вопрос об отказе в возбуждении дела по не реабилитирующим обстоятельствам или о возбуждении дела против определенного лица. В стадии предварительного расследования он действует в отношении всех лиц, версия о причастности которых к преступлению проверяется. В дальнейшем, с появлением в процессе фигуры подозреваемого, обвиняемого, подсудимого презумпция невиновности все более "персонифицируется", приобретает определенную направленность. Она прекращает свое действие, по общему правилу, со вступлением приговора в силу, а в тех исключительных случаях, когда производство по делу заканчивается вынесением определения суда о прекращении дела или постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении или об отказе в возбуждении уголовного дела, - после вступления этих решений в силу. Это не значит, что, как утверждают многие авторы, презумпция невиновности опровергнута и уступила свое место презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда. Презумпция невиновности как принцип советского уголовного процесса ничего общего, кроме термина "презумпция", не имеет с обычными презумпциями как результатом обобщения данных человеческого опыта, выражающими обычный ход, взаимосвязь вещей и явлений. Этот принцип так же неопровержим и не может чему-либо "уступить место", как и все другие принципы уголовного процесса. Всякие попытки "опровергнуть" презумпцию невиновности означали бы фактически ее нарушение или даже отказ от нее. В действительности на определенном этапе производства по уголовному делу этот принцип может исчерпать себя, прекратить свое действие в силу того, что все его требования органами, ведущими процесс, выполнены. После отмены вступивших в силу приговора или определения суда, а также постановления органов дознания, следователя или прокурора, то есть после опровержения пре-

зупмции истинности этих процессуальных актов, доказывание виновности или невиновности лица продолжается, и принцип презумпции невиновности снова начинает действовать - до вступления в силу окончательного решения по данному делу.

По мнению диссертанта, основное юридическое содержание принципа презумпции невиновности в советском уголовном процессе составляют следующие положения:

1. Обязанность доказывания виновности лица лежит на тех, кто выдвинул подозрение или сформулировал обвинение, то есть на органе дознания, следователе, прокуроре, а по делам частного обвинения - на потерпевшем.

2. Лицо, изобличаемое в совершении преступления, не обязано доказывать свою невиновность или меньшую виновность, а также наличие обстоятельств, исключающих его уголовную ответственность.

3. Все сомнения, которые не представляется возможным устранить, должны толковаться в пользу лица, изобличаемого в совершении преступления.

4. Недоказанная виновность лица, причастность которого к совершению преступления исследовалась, в юридическом отношении означает его полную невиновность.

5. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, избрание в отношении его или обвиняемого, подсудимого меры пресечения не должны расцениваться как доказательство виновности этих лиц, как наказание виновных.

6. До окончательного разрешения уголовного дела и официального признания лица виновным в совершении преступления с ним нельзя обращаться как с виновным, нельзя публично, то есть на собраниях граждан, в прессе, по радио, телевидению, а также в каких-либо официальных документах утверждать, что это лицо является преступником.

Приведенные положения в своей совокупности составляют сущность принципа презумпции невиновности, его юридическое содержание и обеспечивают его реальность, полезность для практики, гуманистическую направленность, высокое нравственное, этическое назначение. Они свидетельствуют о том, что в советском уголовном процессе принцип презумпции невиновности не декларация, а важная гарантия прав человека, укрепления социалистической законности и правопорядка.

В главе подробно анализируются указанные положения, показывается их реализация в законодательстве СССР и зарубежных социалистических государств, в следственной, прокурорской и судебной практике, игнорирование или открытый отказ от презумпции невиновности в буржуазных государствах. При этом автор приходит, в частности, к выводам, что в советском уголовном процессе нет необходимости вкладывать совершенно различное содержание в понятия обязанность и бремя доказывания. Обоиими терминами можно оперировать как равнозначными, хотя первый из них точнее, более соответствует советскому уголовно-процессуальному законодательству и практическим потребностям. Из общего правила, что виновность лица всегда должна доказываться, а невиновность его презюмируется, вовсе не следует, что невиновность никогда не доказывается. В частности, в соответствии с принципом установления объективной истины должны быть несомненно доказаны такие обстоятельства, как отсутствие события преступления или отсутствие в деянии лица состава преступления, если органы расследования, прокурор, судья или суд ссылаются на них, принимая решение об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела либо об оправдании подсудимого. Часть 2 ст. 14 Основ должна быть дополнена указанием на то, что органы и лица, ведущие процесс, не вправе перелгать обязанность доказывания также на подозреваемого и его законного представителя, на защитника и законного представителя обвиняемого, на потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

Это имело бы важное значение и для правильного разрешения вопроса о том, лежит ли на защитнике и законном представителе обвиняемого процессуальная обязанность доказывать невиновность или меньшую виновность обвиняемого, обстоятельства, исключющие его уголовную ответственность. В УПК всех союзных республик следовало бы закрепить правило, что признание подозреваемым своей вины может быть положено в основу обвинения только при подтверждении этого признания совокупностью имеющихся в деле доказательств.

Поскольку уголовно-процессуальное задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, и отстранение обвиняемого от должности преследует те же цели, что и применение мер пресечения, эти меры процессуального принуждения было бы целесообразно в законодательном порядке отнести к мерам пресечения. Представляется не имеющей теоретического обоснования и подлежащей отмене или изменению норма ч.2 ст.34 Основ, в соответствии с которой к лицам, обвиняемым в совершении наиболее тяжких преступлений, заключение под стражу может быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления. Нельзя признать нормальным и тот факт, что УПК союзных республик предусматривают сохранение за свидетелем, потерпевшим, экспертом, специалистом, переводчиком и понятым среднего заработка по месту работы за все время, затраченное в связи с вызовом в органы расследования, прокуратуры и суда, но не предусматривают этого для подозреваемого и обвиняемого. Последние, таким образом, еще не будучи признаны виновными, уже подвергаются определенным материальным лишениям, что отрицательно сказывается и на их семье, ставит их в этом случае в неравное правовое положение с потерпевшим. Этот пробел в законе следовало бы устранить.

Следует признать недопустимыми выступления в прессе работников органов дознания, следователей, прокуроров и судей, когда производство по делу еще не закончено и вопрос о виновности или не-

виновности человека в совершении преступления окончательно не решен. Что же касается журналистов и других лиц, то запретить им выступать в прессе до окончания производства по делу нет оснований, но эти выступления должны отличаться высокой общей и правовой культурой, авторы и редакции должны учитывать, как может воздействовать это выступление на формирование общественного мнения, на правильность разрешения дела, и руководствоваться презумпцией добросовестности каждого гражданина как общеправовым принципом, требованиями Конституции СССР об охране личной жизни, уважении личности, защите чести и достоинства, жизни и здоровья, личной свободы граждан. При этом нельзя объявлять человека преступником, допускать неуважительные высказывания в адрес правоохранительных органов, оказывать нажим на них, диктовать, какое решение по делу следует принять. Нельзя превращать такие выступления в громкие сенсации, что характерно для буржуазной прессы.

Общее понятие принципа презумпции невиновности и положения, составляющие его основное юридическое содержание, следовало бы четко закрепить в советском уголовно-процессуальном законодательстве в отдельной статье.

Глава четвертая посвящена рассмотрению гносеологической и юридической сущности уголовно-процессуальных доказательств и их источников.

По мнению автора, непосредственным и единственным средством уголовно-процессуального доказывания как разновидности познания являются только уголовно-процессуальные доказательства. В соответствии с действующим законодательством следует четко и последовательно различать доказательства как фактические данные /ч.1 ст.16 Основ/ и их процессуальные источники: показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы /ч.2 ст.16 Основ/. В диссертации критически

рассматриваются "двойное" понимание доказательств /это - и факты, и их источники/ и "единое" понятие доказательства, в соответствии с которым фактические данные и их источники образуют неразрывное единство и оба входят в это понятие, так как на практике они приводят к отождествлению доказательств и их источников и при обосновании решений следователи и суды зачастую оперируют не фактическими данными, полученными из процессуальных источников, а перечисляют только эти источники. Такую практику неоднократно осуждали и подправляли высшие судебные инстанции Союза ССР и союзных республик.

Автор разделяет мнение, что по своему гносеологическому содержанию "фактические данные", о которых говорится в ч. I ст. 16 Основ, представляют собой сведения о фактах, а не сами факты. Для раскрытия сущности уголовно-процессуальных доказательств отдельные криминалисты и процессуалисты прибегают к теории информации. Такой подход может быть плодотворным, но только в том случае, если не забывать о юридической природе указанных доказательств. Иначе доказательство отождествляется со следами преступления или иного события, которые еще не собраны и не закреплены в установленном процессуальном законе порядке. В диссертации критически оценивается перспективность подхода к раскрытию понятия доказательства в уголовном процессе с позиций семантики, изучающей знаковые системы как средство выражения смысла, и одного из ее разделов - семиотики, занимающейся сравнительным изучением знаковых систем, так как такой подход по меньшей мере не проясняет данного вопроса, в частности содержания термина "фактические данные".

Показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы, с помощью которых устанавливаются фактические данные как доказательства, обычно называются в юридической литературе источниками доказательств.

По мнению диссертанта, точнее было бы называть их процессуальными источниками доказательств, чтобы подчеркнуть их отличие от материальных источников доказательственной информации. В процессуальных источниках содержатся сведения с фактах, они являются носителями, хранилищем доказательств. Только те фактические данные, которые содержатся в указанных источниках, допустимо использовать в уголовном процессе в качестве доказательств. Неправильно считать источниками доказательств лиц, дающих показания и заключения, следователя, составившего протокол следственного действия, автора документа. Их можно называть носителями возможной доказательственной информации, так как пока эта информация не получена и не закреплена в предусмотренной законом форме, доказательств еще нет, а следовательно, и их источников.

В советском уголовном процессе показания свидетелей - пожалуй, самый распространенный вид источников доказательств. Объясняется это, в частности, тем, что советское законодательство содержит минимальные ограничения круга лиц, могущих быть допрошенными в качестве свидетеля; что в качестве свидетелей допрашиваются: фактические подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие - до того, как они официально, в установленном законом порядке, признаны в качестве названных участников процесса; гражданские истцы, ответчики, законные представители подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего; лица, официально признанные обвиняемыми, - в тех случаях, когда дело в отношении их было прекращено, выделено в отдельное производство либо рассмотрено ранее, чем в отношении других лиц, причастных к совершению преступления.

В уголовно-процессуальные кодексы следовало бы включить норму, в которой предусмотреть право свидетеля отказаться давать показания, отвечать на вопросы, если это связано с изобличением его самого или близких родственников и друзей в совершении преступления, в причастности к преступлению, следовательно, с возможностью

привлечения к уголовной ответственности. В УПК следовало бы также предусмотреть, что лица, обязанные по долгу службы или профессии хранить государственную, служебную или профессиональную тайну, не могут быть допрошены в качестве свидетелей об обстоятельствах, связанных с такой тайной, если соответствующее вышестоящее должностное лицо или гражданин, доверивший свою тайну, не дают согласие на разглашение этой тайны при допросе. В целях усиления гарантий полноты и достоверности свидетельских показаний, а также воспитательного воздействия судебного разбирательства было бы целесообразно предусмотреть в законе торжественное обещание свидетеля /и потерпевшего/ о том, что он будет говорить только правду. Нормы, аналогичные предлагаемым, содержатся в УПК зарубежных социалистических государств. Они оправданы как в юридическом, так и в социально-психологическом аспектах.

Автор не разделяет предложений предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве отдельных видов источников доказательств показания гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, сведущего свидетеля, а также результатов применения научно-технических средств, так как для этого нет веского теоретического обоснования и практической необходимости.

В настоящее время преобладающее большинство юристов, Пленум Верховного Суда СССР придерживаются правильного, на взгляд автора, мнения, что вероятный вывод эксперта доказательственного значения не имеет. Такой вывод - это только предположение, которое даже в совокупности с другими, достоверными данными, не может быть положено в основу решения по делу.

Диссертант возражает против того, чтобы рассматривать образцы для сравнительного экспертного исследования в качестве вещественных доказательств либо доказательств особого рода, примыкаю-

щих к вещественным доказательствам, так как эти образцы не связаны с исследуемым событием. Термин "вещественные доказательства" как неточный следовало бы заменить в законодательном порядке более точным - "предметы".

Автор считает правильным относить к протоколам следственных действий как процессуальным источникам доказательств только протоколы осмотра, освидетельствования, выемки, обыска, задержания, предъявления для опознания, следственного эксперимента, воспроизведения обстановки и обстоятельств события. Что касается протоколов допроса и очной ставки, то здесь источниками доказательств являются не сами протоколы, а зафиксированные в них показания допрошенных лиц.

Изготовленные при производстве следственных действий слепки и оттиски являются производными вещественными доказательствами, если приобщены к делу в качестве таковых постановлением лица, производящего дознание, следователя, прокурора. Фотоснимки, чертежи, планы, схемы, рисунки, киноленты являются иллюстрацией либо по существу составной частью протокола. Что же касается фонограммы и видеозаписи, изготовленных в ходе допроса, то они представляют собой способы фиксации показаний дополнительно к протоколированию их и источником доказательств здесь являются сами показания допрошенных лиц.

Фотографии, фонограммы, киноленты и видеозапись, сделанные не в ходе процессуальной деятельности органов расследования или суда, могут быть приобщены к делу и признаны вещественными доказательствами /например, если они были орудиями совершения преступления, объектом или результатом преступных действий/ или документами, если в них изложены обстоятельства, имеющие значение для дела.

Автор полагает, что статью 16 Основ было бы целесообразно изложить в такой редакции:

"Статья 16. Доказательства и их процессуальные источники
Доказательствами в уголовном процессе являются сведения о фактах, собранные в результате процессуальной деятельности лица,

производящего дознание, органа дознания, следователя, начальника следственного отдела, прокурора, судьи и суда, посредством которых они устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, заявления или сообщения о преступлении.

Процессуальными источниками, в которых содержатся доказательства, являются: показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, осужденного, заключение эксперта, предметы, протоколы следственных и судебных действий, иные документы".

В главе пятой раскрываются понятие и юридическое содержание предмета уголовно-процессуального доказывания.

По мнению диссертанта, под предметом доказывания в советском уголовном процессе следует понимать такую совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом обстоятельств, установление которых необходимо для разрешения заявлений и сообщений о преступлении, уголовного дела в целом или судебного дела в стадии исполнения приговора, а также для принятия процессуальных профилактических мер по делу.

Совокупность обстоятельств, установление которых необходимо для разрешения уголовного дела в целом и принятия профилактических мер по делу, предусмотрена в ст.ст.15 и 55 Основ, ст.ст.64 и 23 УПК УССР, ст.68 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик. Эти обстоятельства конкретизируются в законе применительно к делам о преступлениях несовершеннолетних /ст.433 УПК УССР, ст.392 УПК РСФСР/, а также к делам о преступлениях лиц, заболевших душевной болезнью после совершения преступления, и к делам об общественно опасных деяниях невменяемых /ст.417 УПК УССР, ст.404 УПК РСФСР/.

Очерченный законом предмет доказывания является общим, еди-

ным для всех стадий уголовного процесса /за исключением стадии исполнения приговора/. При этом в соответствии с задачами каждой стадии в ней подлежат установлению часть обстоятельств, входящих в предмет доказывания /стадия возбуждения дела/, вся совокупность обстоятельств /стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, возобновления уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам/ либо проверяется установление этих обстоятельств /стадии предания обвиняемого суду, кассационного производства и производства в порядке надзора, возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам/. При производстве по конкретным уголовным делам, а также применительно к отдельным категориям дел обстоятельства, входящие в предмет доказывания, конкретизируются и индивидуализируются, но это происходит в рамках общего, родового предмета доказывания и не означает его изменения, расширения или сужения.

Для стадии исполнения приговора характерно отсутствие единого предмета исследования, проводимого судом, и содержание каждого рассматриваемого им вопроса определяет особый предмет доказывания в соответствии с кругом обстоятельств, подлежащих установлению в судебном заседании по каждому вопросу.

С предметом доказывания тесно связано понятие пределов доказывания /исследования/ обстоятельств дела. По мнению автора, под пределами доказывания следует понимать такой объем доказательственного материала /доказательств и их источников/, который обеспечивает надежное, достоверное установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, правильное разрешение дела и принятие мер по предупреждению преступлений. Поскольку предмет доказывания и требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела одинаковы как для стадии предварительного расследования, так и для стадии судебного разбирательства, то в принципе и пределы доказывания в этих стадиях должны

быть одинаковыми. Но в силу поискового, исследовательского характера процессуальной деятельности в этих стадиях, а также неправильного или неточного определения пределов доказывания, эти пределы в них фактически могут и не совпадать. Они могут быть шире на предварительном следствии, чем в суде, и наоборот. Следует отметить, что ст.42 Основ, озаглавленная "Пределы судебного разбирательства", в действительности устанавливает не пределы доказывания в суде, а только ограничение относительно лиц и деяний, которые рассматриваются судом и за которые они могут быть осуждены.

Раскрывая содержание отдельных групп обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, автор отмечает, что в п. I ст.15 Основ перечислены признаки объективной стороны состава преступления, хотя и не все. В частности, о последствиях совершения преступления говорится в п.4 этой статьи, а обстановка, условия совершения преступления могут быть отнесены к "другим обстоятельствам совершения преступления". Не говорится в п. I ст.15 Основ и о главном признаке объективной стороны состава преступления - действии или бездействии, ответственность за которые предусмотрена уголовным законом. По-видимому, законодатель имеет их в виду под термином "событие преступления". Конечно, этот термин, используемый в уголовно-процессуальном законодательстве, к тому же рядом с терминами "состав преступления", "виновность обвиняемого", "ущерб, причиненный преступлением", следует признать явно неудачным. В ст.324 УПК УССР и ст.303 УПК РСФСР говорится, что при постановлении приговора суд должен разрешать следующие вопросы: имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, содержит ли оно состав преступления и какой статьей уголовного закона предусмотрено. Это гораздо точнее, и аналогично следовало бы сформулировать п. I ст.15 Основ, заменив, однако, слово "деяние" словами "действие или бездействие".

Требование уголовно-процессуального законодательства доказать виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления предполагает необходимость установления субъекта и субъективной стороны преступления. При этом для правильного разрешения уголовного дела недостаточно установить только признаки, свойственные лицу как субъекту преступления /достижение определенного возраста, вменяемость, является ли оно специальным субъектом/. Для этого необходимо собрать данные, всесторонне характеризующие обвиняемого как личность.

Пункт 3 ст.15 Основ предусматривает, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию "обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого". Это положение воспроизведено в УПК союзных республик, но в одних - точно /например, в п.3 ст.64 УПК УССР/, а в других - в редакции, которая сужает его содержание. Например, в п.3 ч.1 ст.68 УПК РСФСР говорится: "обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в статьях 38 и 39 Уголовного кодекса РСФСР". Однако на степень и характер ответственности обвиняемого влияют смягчающие и отягчающие обстоятельства, указанные не только в Общей части Уголовного кодекса, но и в его Особенной части /т.н. квалифицирующие обстоятельства/.

Учитывая важное значение установления и иных обстоятельств, характеризующие личность обвиняемого, УПК союзных республик включает их в предмет доказывания по делу, развивая тем самым п.3 ст.15 Основ. Представляется, что эту группу обстоятельств, учитывая их важность для правильного разрешения уголовного дела и значительный объем, целесообразно было бы выделить в отдельный пункт. При этом следует подчеркнуть, что в уголовном процессе исследуется личность именно обвиняемого /подозреваемого/, а не виновного.

Характер и размер ущерба, причиненного преступлением,

а не все разнообразные его последствия как составную часть объективной стороны состава преступления, включает законодатель в качестве отдельной группы обстоятельств в предмет доказывания по уголовному делу л/п.4 ст.15 Основ/. Выяснение этих обстоятельств, установление причинной связи вреда с действием или бездействием необходимо для квалификации деяния, признания лиц потерпевшими, гражданскими истцами и гражданскими ответчиками, разрешения гражданского иска в уголовном деле. В системе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, характер и размер ущерба, причиненного преступлением, должен был бы следовать сразу за п.1 ст.15 Основ. Кроме того, точнее было бы говорить не об ущербе, а о вреде, как более широком понятии. Именно о моральном, физическом или имущественном "вреде" говорится в ст.24 Основ, термин же "ущерб" применяется только в смысле причинения преступлением материального вреда /ст.ст.25, 26 Основ/.

В совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, ст.15 Основ уголовного судопроизводства не включает причины преступления и условия, способствовавшие их совершению. Этот пробел в значительной мере был восполнен сначала в законодательстве союзных республик, а затем и Основы 18 августа 1981 г. были дополнены новой, 55-й статьей. Недостатком ее, как и соответствующий статей УПК союзных республик, является то, что в ней говорится не о доказывании, а о "выявлении" причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Не вполне благополучное положение с установлением при производстве по уголовному делу причин и условий совершения преступлений и принятием мер по их устранению может быть объяснено и несовершенством, недостаточной императивностью уголовно-процессуального законодательства в этой части. Представляется, что в ст.55 Основ и соответствующих статьях УПК союзных республик сле-

довало бы четко указать, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию "непосредственные причины преступления и условия, способствовавшие его совершению". Кроме того, чтобы органы и лица, ведущие процесс, имели своего рода обязательную программу в этом вопросе, целесообразно было бы в УПК союзных республик детализировать предлагаемое положение в отдельной статье в такой редакции:

"Обстоятельства, подлежащие установлению при доказывании причин преступления и условий, способствовавших его совершению

При доказывании непосредственных причин преступления необходимо установить:

1/ неблагоприятные условия формирования личности обвиняемого, повлекшие возникновение у него антиобщественных взглядов, навыков, привычек;

2/ обстоятельства жизни обвиняемого, в которых он находился перед совершением преступления, под влиянием которых у него возникла решимость совершить преступление.

При доказывании непосредственных условий, способствовавших совершению преступления, необходимо установить конкретные недостатки в деятельности предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан, которые облегчили совершение преступления и наступление преступного вреда".

Автор считает правильной практику написания следователями представлений о причинах и условиях совершения преступления лишь после составления обвинительного заключения или постановления о прекращении дела, так как в этих документах подводятся итоги уголовно-процессуального доказывания всей совокупности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, и предлагает закрепить эту практику в законе, а также предусмотреть в нем, что если дело

подлежит рассмотрению в суде, представление органа дознания и следователя /его вообще в этом случае точнее было бы называть справкой/ о причинах и условиях совершения преступления, утвержденное прокурором, направляется вместе с делом в суд, который проверяет в процессе судебного разбирательства изложенные в нем /как и в обвинительном заключении/ утверждения и если они подтвердятся, выносит свое частное определение.

Учитывая, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу, сформулированы несколько односторонне, неполно и неточно, в диссертации предлагается статью 15 Основ и соответствующие статьи УПК союзных республик сформулировать следующим образом:

"Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу

При производстве предварительного расследования и разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию:

1/ наличие или отсутствие предусмотренного уголовным законом действия или бездействия, время, место, способ и обстановка его совершения;

2/ вид, размер и тяжесть вреда, который был или мог быть непосредственно причинен преступлением;

3/ виновность или невиновность подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в совершении преступления, мотив и цель совершения преступления;

4/ обстоятельства, отягчающие, смягчающие или исключаящие уголовную ответственность, а также исключаящие производство по уголовному делу;

5/ обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого, подсудимого /демографические данные, социально-бытовая и производственная характеристика, психологические качества/;

6/ непосредственные причины преступления и условия, способ-

ствовавшие его совершению".

В приложениях к диссертации приводятся тексты докладных записок и замечаний к законопроектам о внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. Доказывание в советском уголовном процессе. - Киев: Вища школа, 1984. - 132 с.
2. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и охрана прав личности. - Киев: Наукова думка, 1983 /глава IV. Принцип установления объективной истины в советском уголовном процессе, с.132-154/.
3. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних. - Киев: Наукова думка, 1968 /глава У. Деятельность органов прокуратуры по выявлению и устранению причин преступлений несовершеннолетних и условий, способствующих их совершению, с.54-65; в соавторстве/. На укр.яз.

Учебники и научно-практические комментарии к законодательству:

4. Советский уголовный процесс /Под ред.Бажанова М.И., Грошевого Ю.М. - Киев: Вища школа, 1978. - I-е изд-е; 1983 - 2-е изд-е /главы: УШ. Возбуждение уголовного дела; XX. Возобновление уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам; XXVI. Уголовный процесс буржуазных государств; 2 п.л./.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. - Киев: Политиздат Украины, 1974 /главы I, 8-13, 16, 17, 19-22, 34; в соавторстве/; 9 п.л./.

Статьи, тезисы докладов и научных сообщений на конференциях:

6. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Польской Народной Республики. - Радянське право, 1970, № 2, с.98-102. На укр.яз.
7. Принципы социалистической законности, закрепленные в новой Конституции НРБ. - Радянське право, 1972, № 7, с.92-94. На укр.яз.

8. Новейшие достижения естественной науки - на службу правосудию. - Радянське право, 1972, № 9, с.71-75; в соавторстве. На укр.яз.

9. Вопросы судебной психологии в трудах А.Ф.Кони. - Сб.: Проблемы правознавства. - Киев: Вища школа, 1974, вып.29, с.126-133; в соавторстве. На укр.яз.

10. О системе принципов советского уголовного процесса. - Сб.: Вісник Київського університету. Серія права. - Киев: Вища школа, 1974, № 15, с.3-11. На укр.яз.

11. Дела, возбуждаемые лишь по жалобе потерпевшего. - Радянське право, 1974, № 10, с.19-24; в соавторстве. На укр.яз.

12. Вопросы, установления объективной истины в советском уголовном процессе. - Сб.: Проблемы правознавства. - Киев: Вища школа, 1975, вып.32, с.96-106. На укр.яз.

13. Вопросы уголовного процесса в постановлениях Пленума Верховного Суда УССР 1974-1975 годов. - Вісник Київського університету. Серія права. - Киев: Вища школа, 1976, № 17, с.50-58.

14. Новые основания и порядок освобождения от уголовной ответственности отсрочки исполнения приговора. - Радянське право, 1977, № 8, с.47-52; в соавторстве. На укр.яз.

15. Понятие и содержание презумпции невиновности в советском уголовном процессе. - Сб.: Проблемы совершенствования деятельности советской адвокатуры. - Киев, 1978, с.62-79.

16. Новая Конституция СССР и вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства. - Сб.: Проблемы правоведения. - Киев: Вища школа, 1978, вып.37, с.34-46.

17. Сущность презумпции невиновности как конституционного принципа советского уголовного процесса. - Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства. Тезисы докладов и научных сообщений. - Харьков, 1978, с.233-235.

18. Новые Конституции СССР и УССР и вопросы расширения прав личности в уголовном процессе. - Радянське право, 1978, № 9, с.14-19. На укр.яз.

19. Законодательные меры по повышению воспитательного воздействия судебных процессов по уголовным делам. - Воспитательно-

- предупредительное воздействие судебных процессов. Тезисы докладов и сообщений. - Киев, 1978, с.25-27.
20. Совершенствовать процессуальные гарантии выполнения задач уголовного судопроизводства. - Радянське право, 1979, № 7, с.53-58. На укр.яз.
21. Понятие и система принципов советского уголовного процесса. - Сб.: Проблемы правоведения. - Киев: Вища школа, 1981, вып.42, с.89-100.
22. К вопросу о правовой регламентации оценки доказательств и их источников в советском уголовном процессе. - Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1981, с.18-21.
23. Обеспечение участвующим в деле лицам права на защиту их законных интересов как принцип советского уголовного процесса. - Сб.: Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. - Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1981, с.54-57.
24. Право обвиняемого на защиту при доказывании по уголовному делу. - Вісник Київського університету. Юридичні науки. - Киев: Вища школа, 1981, вып.22, с.68-75. На укр.яз.
25. Вопросы расширения процессуальных гарантий прав личности при прекращении уголовных дел. - Сб.: Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, прокуратуре СССР и адвокатуре в СССР. - Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1981, с.125-128.
26. Прекращение следователем дела по п.3 ч.1 ст.5¹ Основ уголовного судопроизводства и вопросы обеспечения несовершеннолетнему права на защиту. - Актуальные проблемы расследования преступлений несовершеннолетних. Тезисы выступлений на научно-практическом семинаре. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1982, с.48-51.
27. Содержание предмета доказывания по уголовному делу. - Сб.: Проблемы правоведения. - Киев: Вища школа, 1982, вып.43, с.134-143.
28. Гносеологическая и юридическая сущность уголовно-процессуального доказывания. - Сб.: Проблемы социалистической законности. - Харьков: Вища школа, 1982, вып.10, с.75-81.

29. Понятие доказательств и их источников в советском уголовном процессе. - Вісник Київського університету. Юридичні науки. - Киев: Вища школа, 1982, вып.23, с.75-81. На укр.яз.

30. К вопросу об оценке доказательств и их источников в советском уголовном процессе. - Сб.: Проблемы правоуказания. - Киев: Вища школа, 1983, вып.44, с.110-118.

31. Вопросы развития гарантий прав личности в новом советском уголовно-процессуальном законодательстве. - Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в СССР. Тезисы научных докладов и сообщений. - Минск: изд-во ВГУ, 1983, с.330-332.

32. Гарантии конституционных прав граждан в законодательстве о судостроительстве и уголовном судопроизводстве. - Вісник Київського університету. Юридичні науки. - Киев: Вища школа, 1983, вып.24, с.76-82; в соавторстве. На укр.яз.

33. Вопросы доказывания в стадиях возбуждения уголовного дела, предания суду и исполнения приговора. - Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. № 75 /Вопросы уголовного процесса/. - М.: Всесоюзный институт Прокуратуры СССР, 1983, с.66-69.

34. К вопросу о средствах доказывания в уголовном процессе. - Проблемы надежности доказывания в советском уголовном процессе: Тезисы выступлений на теоретическом семинаре. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1984, с.18-19.

35. Использование технических средств фиксации изображения и звука и виды источников уголовно-процессуальных доказательств. - Сб.: Использование достижений естественных и технических наук в расследовании и раскрытии преступлений. - Киев; РИО МВД УССР, 1984.

Рецензии:

36. Основательное исследование одного из основных принципов советского уголовного процесса /рец. на монографию: Соловьев А.Д. Всесторонность, полнота и объективность предварительного следствия. Киев, 1969/. - Сб.: Проблемы правознания. - Киев: изд-во КГУ, 1971, вып.20, с.152-156. На укр.яз.

37. Ценное пособие для прокуроров и следователей /рец. на книгу: Расследование и предупреждение преступлений. Киев, 1970/. -

Радянське право, 1971, № 8, с.109-110; в соавторстве. На укр.яз.

38. Рецензия на монографию: Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. Под ред.Божьева В.П. М.: Юрид.лит., 1978. - Советское государство и право, 1979, № 7, с.152-153; в соавторстве.

39. Рецензия на монографию: Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979. - Радянське право, 1980, № 5, с.92-94; в соавторстве. На укр.яз.

40. Рецензия на монографию: Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979. - Радянське право, 1980, № II, с.87-88; в соавторстве. На укр.яз.

41. Рецензия на учебник: Советский уголовный процесс. Под ред.Карнеевой Л.М., Лупинской П.А., Тыричева И.В. М.: Юрид.лит., 1980. - Советская юстиция, 1981, № 3, с.32; в соавторстве.

42. Полезная книга /рец. на книгу; Тарарухин С.А. Теория и практика квалификации преступлений. Киев, 1978/. - Труды ВНИИ МВД СССР. М., 1981; № 59; в соавторстве.

И. Мещеряков

Подписано к печати 19 апреля 1984г.

Формат 60x90 1/16. Объем 2 п.л.

Тираж 100 экз. Заказ № 109

Миев-50, ул. Пархоменко, 156

Типография МВД СССР